

В. Д. ПЛАХОВ,

доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

РОССИЯ: ЭТОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

1. Существенным элементом любой культурной системы является культура поведения, или этологическая культура. Между тем ее изучению не уделяли до сих пор должного внимания. В связи с этим обстоятельством необходимо сделать следующие пояснения.

Этологическая культура составляет предмет особой научной дисциплины — этологии, развивающейся на синтезе культурологии, социологии, социальной и общей психологии. Теоретическое ядро этологии образует нормоведение, или нормология, — учение о социальных нормах. Плодотворное развитие этологии возможно только с учетом достижений целого комплекса наук. В их числе общая теория систем, теория информации, кибернетика, юриспруденция, этика, генетика, история и другие науки. В настоящее время встает остро вопрос о возрождении вполне самостоятельной комплексной научной отрасли — социальной этологии, которая первоначально в античном обществе и формировалась как наука о нравах, обычаях, регулирующих человеческое поведение. Гераклит говорил, что «этос человека есть его демон», указывая тем самым на место, роль и характер детерминирующего действия этоса на поведение людей. В самом деле, социальные нормы являются источником детерминации; они же определяют содержание (структуру) поведения, действия неотвратно и тотально.

2. Центральное понятие этологии — этос. Обычно под ним подразумевается некая схема, образец, алгоритм, матрица, клише, модель, программа поведения. Но это лишь самое общее и очень приблизительное представление об этосе. Более строгий научный подход требует выделять в этосе содержание (1), форму (2) и механизм (3), причем только их единство и интегральное проявление обеспечивают реальное действие этоса. Этическое (нравственное) поведение,

регулируемое этическими нормами, лишь часть этоса, в который входят также производственное (трудовое), экономическое, политическое, экологическое, гигиеническое и прочее поведение. Специфические закономерности действия этоса сопряжены с уровнями организации человеческого поведения: биологическим, психическим и социальным, в котором два первых — биологический и психологический — представлены в “снятом” виде (по закону отрицания отрицания). Особый интерес представляют механизмы детерминации человеческого поведения, среди которых обращают на себя внимание рационально-логические (1), социально-психологические (2), индивидуально-психологические (3), биогенетические (4), предполагающие еще большую дифференциацию. В частности, биогенетические включают соматическую, физиологическую, гормональную и другие виды детерминации человеческого поведения. В соответствии с такими представлениями мы предлагаем выделить в рамках этоса следующие иерархические уровни:

— социальные нормы и, соответственно, нормативное сознание и нормативное поведение; этот уровень связан с действием ментальных, социально-психологических и психических законов и закономерностей, а также механизмов поведения и образа жизни в целом;

— этологические стереотипы, существование и проявление которых обеспечиваются преимущественно психическими (социально-психологическими и индивидуально-психологическими) механизмами;

— паттерны, то есть отличающиеся устойчивостью и относительной повторяемостью поведенческие схемы, образцы, связанные с биогенетическими и психическими бессознательными механизмами поведения;

— фреймы — структуры-рамки со свойственной им диффузностью и детерминирующие поведение людей из глубинных отделов сознания и психики; их действие связано с биогенетическими механизмами и закономерностями.

Нормосознание является результатом социализации индивидов. Условием действия этологических стереотипов, а также в известной степени паттернов служит отчасти социализация, однако большую роль здесь играют уже биопсихологические механизмы, в частности бессознательные и те, что связаны с глубинными отделами человеческой психики, изучаемыми глубинной и экзистенциальной психологиями. Здесь уместно указать на общий этологический принцип: любой поведенческий акт является интегральным итогом всех (но в разной степени) механизмов, действующих на вышеуказанных четырех иерархических уровнях регуляции витальных процессов. При этом бихевиоральные механизмы и структуры (законы) изучаются эссенциологией этоса, тогда как само поведение как динамическая связь организма (субъекта) со средой изучается феноменологией поведения. Например, именно эссенциология изучает нормы как максимы (термин “максимы” принадлежит Канту), тогда как нормативное поведение субъекта интересует феноменологию.

3. Этологическая культура каждого конкретного социума отличается прежде всего содержанием социальных норм. Но вместе с тем обращает на себя внимание существование некоторых общих, формальных структур, различающихся, в частности, по статусу. Для примера содержательной характеристики можно указать на героический этос, рыцарский этос, мещанский этос и др. По статусу есть смысл различать доминирующие, ординарные и экстраординарные этосы, подразделяющиеся в свою очередь на более специфические. Скажем, ординарные этосы включают в свой состав ортодоксальные и неортодоксальные, маргинальные и прочие этосы. Экстраординарные этосы подразделяются на аморальные и криминальные (преступные). Для нас в данном случае представляют интерес доминирующие этосы. Их исследование применительно к капиталистическому обществу и связано с именами М. Вебера, В. Зомбарта, М. Оссовской и других ученых. Они показали, в частности, что капиталистический этос связан в первую очередь с этологическими феноменами “расчета”, “накопительства”, “порядка”. Все это формы поведения и даже образа жизни, который, следуя за М. Вебером, мы обозначим символическим термином “бухгалтер”. Антиподом этого этоса, корнями уходящего в протестантизм, является этос, который мы также условно-символически назовем “бунтарь”, имея в виду, что он, этот этос, характеризуется неприятием какого-либо порядка, организации, подчинения раз заведенному правилу.

4. Вторая половина XIX и начало XX столетия ознаменовались для России в связи с известными историческими условиями (борьба с самодержавием) широким распространением и до того достаточно влиятельным в массах населения этоса “бунтарь”. Укажем здесь на два веских обстоятельства, обусловивших указанный этологический феномен. По традиции, ведущей начало еще от Герцена, имело место неприятие русской интеллигенцией по политическим, экономическим, этическим и общегуманитарным основаниям западного, капиталистического этоса — античеловечного, “машинного”, “мещанского” (напомним, что “мещанин” — эту тему обстоятельно разрабатывал, в частности, М. Горький — рассматривался в России как антипод “революционера”). Это во-первых. Во-вторых, русской душе, русскому характеру всегда были свойственны стихия, инстинктивное стремление к “вольнице”. На это обстоятельство указывали и Н. Михайловский, и В. Лосский, и Н. Бердяев. Такой “национальный” характер и предопределил в значительной мере бунтарство (напомним, что В. И. Ленин писал о революционерах в самодержавной России как об узком круге политических деятелей). Символом бунтаря-правдоискателя и одновременно героя-мученика, страдальца, принявшего смерть за “правое дело”, “за народ”, стал Стенька Разин, о котором Пушкин писал как о первом лирическом герое, а М. Бакунин — как о народном богатыре, сосредоточившем в своем лице всю народную жизнь и силу.

Сказанное позволяет сделать с очевидностью вывод об этологической закрытости русской культуры, тем более православной, западному предпринимательскому этосу, утверждению которого способствовала, как убедительно показал М. Вебер, протестантская этика. В некотором роде история повторяется и напоминает сейчас в России эпоху петровских преобразований. Боярская, стрельцкая, православная культура не могла служить почвой для преобразований России на “западный манер”. Западноевропейский этос внедрялся Петром I насильственно, и социальной опорой этого исторического процесса служили в подавляющем числе случаев, как известно, иммигранты, ландскнехты культуры. Причем вербовка недостающих в России кадров, столь необходимых в прогрессивных преобразованиях, продолжалась и в последующие столетия, после смерти первого русского императора, правда, в разных масштабах и разными темпами. Именно эти кадры и стали в первую голову носителями нового предпринимательского, делового этоса. Вспомним, что даже Ленин после октябрьского переворота указывал на необходимость культивирования в новых российских условиях “американской деловитости”.